

Только болгарский язык использует греческое заимствование *ирис* для обозначения радужной оболочки глаза. В остальных славянских языках анатомический термин содержит элемент со значением радуги. Идея объединения большого количества разных элементов реализуется в употреблении словенского названия радуги в качестве количественного интенсификатора: *mavrica custev, barv, problemov* (море, гора чувств, цветов, проблем).

Анализ славянских литературных и некоторых диалектных названий радуги показывает, что основная часть базируется либо на сходстве погодного явления с различными предметами, либо имеет описательный характер. И хотя доминирующим признаком радуги является ее форма, условно все наименования можно разделить на три основные группы: 1) названия, данные на основе сходства с каким-либо предметом; 2) названия, отражающие цветовую природу явления; 3) названия, указывающие на связь радуги с другими явлениями погоды. В одних наименованиях достаточно ясно просматривается древняя метафора, в других она потеряла свой поэтический смысл, и название стало объяснимым только при привлечении экстралингвистических данных (*виножито, виноракия*). Самым древним названием радуги является, по видимому, *donga*, сохранившее во всех современных славянских языках значение 'радуга'.

Лингвистические и культурологические данные позволяют говорить о том, что для славян радуга – природное явление, вызывающее восхищение и удивление, иногда страх, символизирующее связь человека с Богом и дающее человеку возможность узнать об его помыслах, изменить что-то в своей жизни, предвидеть в какой-то степени будущее и смотреть с надеждой в него, поскольку пока есть радуга, не будет потопа и второго пришествия.

The article explores the designations of the rainbow in dialects and literary Slavic languages. The connection of names with some ancient mythological representations of Slavs is traced. The regional and national specificity of the nomination of the natural phenomenon is revealed.

Т. И. Кибинь
Минск, МГЛУ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В НАРРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье выделены и описаны четыре семантических класса эмотивной лексики: микрополе грусти, микрополе страдания, микрополе раздражения и микрополе радости. Главное внимание уделено соотношению частотности употребления эмотивов с отрицательной и положительной оценочной семантикой. Установлено, что наиболее употребительным классом эмотивов являются эмотивы с отрицательной оценочной семантикой.

Во все времена люди испытывали одни и те же чувства: радость, горе, любовь, грусть [1, с. 503]. Именно поэтому эмоциональная сфера человеческой жизни привлекает внимание ученых из разных областей науки, а знание системы средств выражения эмоций и умение выявлять имплицитные эмотивные смыслы, которые могут быть выражены в процессе функционирования лексических единиц, важны для формирования эмотивной компетенции носителей языка, чем и объясняется актуальность данного исследования [2].

Чтобы изучить особенности проявления эмоций в речи, необходимо в первую очередь разграничить такие понятия, как эмоциональность и эмотивность. Так, Т. В. Ларина предлагает следующее определение данных терминов: «эмоциональность – инстинктивное, бессознательное, незапланированное проявление эмоций, являющееся психофизиологической потребностью человека; эмотивность – сознательная, запланированная демонстрация эмоций, имеющая определенную коммуникативную установку» [2, с. 7]. Из этого следует, что эмоциональность сфокусирована в большей степени на субъекте (эмоции для себя), а эмотивность направлена на объект (эмоции для других) [2].

Отсюда можно сделать вывод, что эмотивными будут высказывания, доминирующей иллокутивной силой которых является намерение говорящего «выразить свое эмоциональное состояние или эмоциональное отношение к определенному положению дел во внеязыковой действительности, к самому себе, к собеседнику или лицу, не участвующему в акте коммуникации» [3, с. 40].

Что же касается эмотивов с отрицательной и положительной оценочной семантикой, то особый интерес представляет мнение В. И. Шаховского о соотношении вышеупомянутых явлений в разных языках. Он отмечает, что при сравнении эмотивной лексики разных языков можно обнаружить, что во многих языках эмотивов с отрицательной оценочной семантикой в количественном отношении больше, чем эмотивов с положительной оценкой, но употребляются они, предположительно, при общении значительно реже, чем положительно-оценочные эмотивные знаки. В связи с этим В. И. Шаховский приходит к выводу о том, что эмоциональные системы разных народов и культур, в основном, похожи: негативность, превалируя в их лексиконе, уступает позитивности в употреблении и синтагматическом комбинировании (ср.: *happy and sad, sad and happy*), что объясняется психологическим стремлением человечества к позитивности. Другим сходным моментом для различных языковых культур является то, что положительные эмоции выражаются разными народами более или менее однообразно и диффузно, чем отрицательные, которые всегда конкретны, отчетливы и многообразны [4].

Целью настоящего исследования является установление классов эмотивной лексики и выявление частотности употребления эмотивов с отрицательной и положительной оценочной семантикой в нарративном дискурсе на английском и белорусском языках. Для анализа были отобраны современные художественные рассказы на белорусском и английском языках.

Основываясь на методе анализа словарных дефиниций, мы выявили четыре наиболее употребительных семантических класса эмотивной лексики в рассказах на белорусском и английском языках: микрополе *грусти*, микрополе *страдания*, микрополе *раздражения* и микрополе *радости*.

Было установлено, что в микрополе *грусти* входят следующие единицы: *to stagger up*, *doleful*, *to plod along*; *сумнавата*, *змрочныя*, *бяссільны*, *туга*. Принадлежность лексем к эмотивной лексике определяется на основе анализа дефиниций в толковых словарях. Так, в примерах *The mule-drawn carts staggered up the steep bank from the bridge...*; *The trucks ground up and away heading out of it all and the peasants plodded along in the ankle deep dust* [7, с. 149]; ... *decided and doleful iron bells were clanged...* [7, с. 33] лексемы *to stagger up* и *doleful* имеют следующее значение: фразовый глагол *to stagger up* ‘walk or move unsteadily, as if about to fall’ – *пошатываться* [5]; *to plod along* ‘slow-moving and unexciting’ – *идти медленно, с трудом; плестись, тащиться*; лексема *doleful* определяется как ‘expressing sorrow; mournful’ – *печальный, прискобный* [5]. Основываясь на этом, можно сделать вывод, что лексемы *to stagger up*, *to plod along* и *doleful* принадлежат к микрополю *грусти*.

Приведем пример из дискурса на белорусском языке, в котором встретились лексемы микрополя *грусти*:

– *Што, Антоні, цягніка чакаеш?*

А ён усміхнецца – па-свойму сумнавата, добра – і ціха адкажа...; І вось пацягнуліся змрочныя дні; А колькі ж бяссільнай нянавісці, горкай крыўды зазналі нашы нервы, затузаныя голадам, холадам, здзекам, тугой! [8].

Рассмотрению подлежат лексемы *сумнавата*, *змрочна*, *бяссільна*, *туга*, которые определяются в толковом словаре как ‘грустно, огорченно’; ‘сумрачно’; ‘бессильно’; ‘скорбь; тоска’, что и позволяет включить их в микрополе *грусти* [6].

В результате проведенного исследования были выявлены следующие лексемы, относящиеся к микрополю *страдания*: *purgatory*, *grievous*, *to gnash*, *to tear one's hair*; *пакутніцкі*, *затузаны*, *безнадзейнасць*. Основанием для выделения данного семантического класса эмотивов стал анализ словарных дефиниций вышеперечисленных лексем на английском и белорусском языках. В сравниваемых языках для микрополя *страдания* были выявлены следующие контексты: ... *it was a perfect purgatory of dust and confusion...* [7, с. 27]; *How in her grievous reveries had she gnashed her teeth and torn her hair, when she saw his start of rapturous delight as he opened the door of the lady!* [7, с. 35]; *І на гасцінцы, і ў мястэчку, на ўсім – так добра знаёмым і якім жа кароткім цяпер – шляху ад роднай хаты да свежай ямы ў лапухах добрыя людзі бачылі яе пакутніцкі паход* [8]; *А колькі ж бяссільнай нянавісці, горкай крыўды зазналі нашы нервы, затузаныя голадам, холадам, здзекам, тугой!*; *Вушы звісаюць абдрытана, а маленькія вочкі глядзяць на ўсё сумна – да безнадзейнасці...* [8]. Существительное *purgatory* согласно Oxford Living

Dictionary имеет значение ‘mental anguish or suffering’ – *чистилище* [5]; прилагательное *grievous* ‘(of something bad) very severe or serious’ – *мучительный*; глагол *to gnash* ‘to grind (one’s teeth) together as a sign of anger (often used hyperbolically)’ – *скрежетать зубами*; *to tear one’s hair* ‘feel extreme desperation’ – *рвать на себе волосы* [5]; *пакутніцкі* – *мученический, страдальческий*; *затузанья* – *измученные*; *безнадзейнасць* – *плачевность* [6].

Семантический класс эмотивной лексики – микрополе раздражения – можно выделить на основании выявления следующих лексем в нарративном дискурсе на белорусском и английском языках: *to be ruffled*, *venomous*, *peevish*, *to burn in agony*; *вухкаць*, *плявузганне*. Анализируя контексты, в которых используются данные языковые единицы, а именно *I was so ruffled that...* [7, с. 27]; *... he cut me short with a venomous* “No, you can’t” [7, с. 27]; *Ruth began to grow peevish* [7, с. 85]; *How her soul had burned in agony when she had seen him rush to meet that woman...* [7, с. 35], можно прийти к выводу, что данные лексемы относятся к микрополю раздражения, что подтверждается анализом словарных дефиниций: глагол *to be ruffled* имеет значение ‘быть сердитым, раздраженным’ [5]; *venomous* ‘full of malice or spite’ – *злой* [5]; *peevish* ‘having or showing an irritable disposition’ – *капризный* [5]; *to burn in agony* – *гореть в агонии*.

Рассмотрим примеры из белорусскоязычного дискурса: *I ўсе глядзелі, вухкалі на нас, як на самых сапраўдных разбойнікаў...* [8]; – *А дзе ваш сын цяпер?* – *спытаўся я ў яго, каб хоць гэтым заткнуць яго п’янае плявузганне* [8]. Лексемы *вухкаць* и *плявузганне* имеют следующие значения ‘ухать, громко кричать’ [6]; ‘трепотня’ [6], что позволяет отнести их к микрополю раздражения.

Анализ последующих контекстов позволяет выделить очередной семантический класс эмотивов – микрополе радости: – *Be patient with your mother*, – *Dad said, winking*; *Jennifer smiled in acknowledgment and then paused...*; *Then she caught her mother’s teasing glance and she had to laugh* [7, с. 154]; *...Яго блазенскі, радасны брэх я чую праз гул і бразганне вялікага, бывалага аўтобуса; Шчаслівы бацька адчуў яшчэ большае шчасце; Бацька смяецца* [8], который включает в себя лексемы *to wink* ‘close and open one eye quickly, typically to indicate that something is a joke or a secret or as a signal of affection or greeting’ *подмигивать* [5]), *to smile* ‘regard favourably or indulgently’ *улыбнуться*; *to tease* ‘make fun of or attempt to provoke (a person or animal) in a playful way’ *дразнящий взгляд*; *блазенскі* ‘веселый, смешной, шутейный’; *шчаслівы* ‘счастливый’; *смяецца* ‘смеяться’ [6].

Таким образом, в результате исследования художественных текстов в английском и белорусском языках и использования метода анализа словарных дефиниций было выделено четыре семантических класса эмотивной лексики, в которых всего было зарегистрировано 214 эмотивов с отрицательной оценкой (в рассказах на белорусском языке – 108 и 106 – английском) и 127 с положительной оценкой (64 – в белорусском языке, 63 – в английском). Это позволяет сделать следующий вывод: количество

эмотивов с отрицательной оценкой численно превосходит эмотивы с положительной оценкой в английском и белорусском языках, что обусловлено большим многообразием и конкретностью выражения отрицательных эмотивов по сравнению с однообразным выражением положительных эмоций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вежбицкая, А.* Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 780 с.
2. *Ларина, Т. В.* Лингвистика эмоций: от теории к практике / Т. В. Ларина, С. В. Ионова // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 7–9.
3. *Пиотровская, Л. А.* Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования / Л. А. Пиотровская. – СПб. : СПбГУ, 1994. – 146 с.
4. *Шаховский, В. И.* Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты / В. И. Шаховский // Языковая личность: культурные концепты. – СПб. ; Волгоград : Волг. гос. пед. ун-т, 1996. – С. 80–96.
5. Oxford English Living Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://en.oxforddictionaries.com>. – Дата доступа : 15.10.2017.
6. Скарнік : электронный русско-белорусский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.skarnik.by>. – Дата доступа : 17.10.2017.
7. *Борисова, Л. В.* Интерпретация текста (проза) / Л. В. Борисова. – Минск : Выш. шк., 1999. – 173 с.
8. Беларуская палічка : белорусская электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.knihi.com>. – Дата доступа : 17.10.2017.

The present article deals with emotive lexemes in narrative discourse. Four semantic classes of emotive lexemes are singled out. The frequency of their occurrence in English and Belarusian narrative discourse is compared.

А. П. Клименко
Минск, МГЛУ

ТИПОЛОГИЯ СЛОВЕСНЫХ РЕАКЦИЙ В АССОЦИАТИВНОМ ПОЛЕ

Анализ ассоциативных экспериментов показывает, что ассоциативные поля структурированы, причем в них выделяются иерархически организуемые направления и ветви ассоциирования. Если ассоциативное поле в целом характеризует семантику слова-стимула, то рассмотрение структур ассоциативных полей позволяет установить не только индивидуальную семантику слова-стимула и типы отношений в бинomialной паре стимул-реакция, но и выявить типы семантических отношений внутри ассоциативного поля. В этом плане показательно совпадение существенных элементов структуры ассоциативного поля одного слова со структурами ассоциативных полей других слов, принадлежащих к близким семантическим группам.